

Алла Троицкая

Тайна Чугуевского монастыря

Жаров внимательно перечитывал материалы, еще весьма тощего, дела. Ввиду своей важности дело сразу было поручено следственному комитету Генпрокуратуры. К следствию были привлечены наиболее опытные специалисты. Речь шла об убийстве известного коллекционера икон, Бергмана Семена Абрамовича. Он был застрелен на стоянке во дворе дома, в котором жил. Ливень бесследно смыл все улики преступления. Оперативникам даже не удалось обнаружить гильзу. Она с потоками воды уплыла в ближайший канализационный люк. Труп обнаружила семья Скворцовых. Припарковав свой джип во дворе дома, супруги пережидали ливень. Дождь лил как из ведра. Никакие зонты и плащи не защитили бы людей от промокания. Тоскливо наблюдая через лобовое стекло за потоками извергаемых с небес вод, супруга внезапно обратила внимание на очертания лежащего на земле предмета. Наконец выбравшись из машины, шлепая по воде, супруги направились к обнаруженному ими предмету. Увиденное ошарашило их. На земле лежал их сосед по лестничной клетке Бергман. Было очевидно, что мужчина мертв. Будучи офицером войск

специального назначения, Скворцов сразу определил причину смерти соседа. Это было огнестрельное ранение в голову. Кто мог пожелать смерти спокойному, интеллигентному Бергману. Все соседи уважали его за покладистый характер. Многие соседи были ему очень благодарны за помощь в решении сложных жизненных ситуаций. Семен Абрамович обладал завидными связями. Он прибегал к ним, чтобы помочь соседям. С его смертью многие семьи буквально почувствовали себя осиротевшими. Кто мог поднять руку на этого святого человека?

Жаров очередной раз перечитывал дело. Оно обещало быть очень сложным. Убийство не было похоже на банальный грабеж. На убитом были дорогие импортные часы. Жаров со своей зарплаты следователя не мог позволить себе такую роскошь. На пальце Бергмана было одето массивное золотое кольцо с большим алмазом. Убийца ничего из этого не взял. У погибшего пропали только ключи от квартиры. Ими воспользовался преступник.

Прибыв на место преступления, оперативники обнаружили в квартире погибшего настоящий погром. Преступники лихорадочно что-то искали. В рабочем кабинете Семена Абрамовича с полок смотрели лики многочисленных старинных икон. Судя по количеству полок и отсутствию зазоров между иконами, они все были на месте.

— Что же преступник искал. Раде чего он оборвал жизнь человека. — Этот вопрос терзал сознание Жарова. Собранные материалы не давали даже малый намек на ответ. Бергман был застрелен из пистолета Макаров. По полицейским сводкам это оружие было похищено во время ограбления одного из оружейных магазинов. Семь лет оно терпеливо молчало. И вот теперь оно послало обществу свой смертельный привет.

— Что-то же преступники искали в квартире Бергмана. Ради этого что-то они пошли на мокрое дело. Преступники вовсе не создавали впечатление психов. Значит, это что-то стоило того, — листая материалы дела, размышлял Жаров. На первый взгляд предметом интереса преступников могла стать богатая коллекция икон. Однако, все иконы стояли на отведенных им владельцем местах. В этом деле требовалась консультация искусствоведов и коллекционеров икон.

Искусствовед академик Винер прибыл в полицию в назначенное время.

— Пожалуйста, если можно, не будем затягивать беседу, — обратился он к Жарову. Тот согласно кивнул головой.

— Скажите, вы лично были знакомы с Бергманом?. — поинтересовался у Винера Жаров. Тот сокрушенно покачал головой.

— Мы дружили со школьной скамьи. Я

заразил Сему любовью к иконам. Не думайте, что я блаженный. Иконы нельзя не любить. Они — клад положительной энергии. Понимаете, художники пишут картины или под настроение, либо из необходимости заработать на пропитание. Иконописец, прежде чем приступить к написанию иконы, месяцами заточает себя в кельи. Он все это время постится и молится. Он накапливает в себе огромный потенциал положительной целебной энергии. Её он переносит на свое детище. Икона — это живое творение монаха иконописца. — Жаров не был сведущ в делах религиозных. Ему было интересно познать новое из уст столь влюбленного в свое дело, ученого.

— Вы знакомы с коллекцией икон Бергмана? — поинтересовался у Винера Жаров. Он внутренним чутьем был уверен, что мотив преступления находится в стремлении преступников похитить одну из, находящихся в коллекции Бергмана, икон. Профессиональное чутье и на этот раз не подвело его.

— Я прекрасно осведомлен о коллекции Бергмана. — с уверенностью в голосе ответил искусствовед. Жаров протянул ему пачку фотографий икон. Винер внимательно перелистал фотографии.

— О, Боже, здесь не хватает иконы Богородицы с младенцем Чугуйского монастыря, —

едва не завопил Винер. Жаров увидел, что от сделанного открытия, мужчине стало плохо.

— Дайте, пожалуйста, чаю, — простонал Винер. Позволив эксперту слегка успокоиться, Жаров продолжил расспросы.

— Скажите, пожалуйста, чем эта икона отличается от всех остальных икон? Почему именно за ней охотились преступники?

— Понимаете, у данной иконы имеются две ценности. Эта икона выполнена в технике Лица руки ножи, — видя, что следователь ровным счетом ничего не понимает в техниках написания икон, Винер пояснил ему особенности данной техники.

— Иконописец на доске выписывает только лик, кисти рук и стопы святого. Все остальные фрагменты иконописец чеканит на металле. В металле делаются отверстия. Они находятся на местах, где на дереве прописаны фрагменты святого. Доска покрывается металлической пластиной. Таким образом, образуется цельная икона. В такой методике короткое время работали иконописцы только в одной Киево-Печерской лавре. До наших дней дошло малое количество данных икон. Второй аспект заключается в самой иконе Чугуйского монастыря. По приданию, она знает, где Игумен Мефодий спрятал монастырскую утварь. Поверьте, мне, тот, кто найдет этот клад, станет сказочно богатым человеком. — Винер

умолк. Ему требовалось время, чтобы собраться с мыслями. Пропажа из коллекции Бергмана иконы Богородицы с младенцем Чугуевского монастыря сильно поразило его. Наконец он вернулся к разговору.

— Понимаете, мне трудно представить, что икона похищена барыгой. Он не сможет продать её никому из наших коллекционеров. Верю, что каждый из них, к кому бы он не обратился, немедленно сдаст его в руки правосудия. Все наше сообщество ценителей икон очень уважали Семена Абрамовича. Разве, что преступник попытается продать икону за границу. — Винер снова замолчал. На его лице появилась мучительная гримаса.

— Страшно подумать, что икону похитили искатели клада Чугуевского монастыря. Тогда самому существованию иконы грозит смертельная опасность. —

— Как преступники узнали, что данная икона хранится в коллекции покойного Бергмана. — Допытывался Жаров. Винер тяжело вздохнул.

— Они могли приобрести каталоги икон, находящихся в частных коллекциях. Они могли увидеть икону на выставке в музее. В прошлом году мы устроили такую выставку. Она вызвала неслыханный интерес у посетителей. Возможно, среди них оказались душегубы Семена.

— Где я могу познакомиться с историей данного клада. — Поинтересовался Жаров. Возможно, это знание поможет следственной группе выйти на след преступников.

— Полгода тому назад в одном из исторических журналов была опубликована статья историка Потапова. Данная статья была посвящена истории иконы Богородицы с младенцем Чугуевского монастыря. У меня есть этот номер журнала. Я вам сегодня же пришлю его. Только, пожалуйста, с возвратом. — Жаров утвердительно кивнул головой.

Академик Винер сдержал данное им слово. Уже через два часа на столе Жарова лежал пухлый журнал. Жаров углубился в чтение, столь заинтересовавшей его, статьи.

* * *

Игумен Мефодий, стоя на колокольне, осматривал, окружающую монастырь, местность. На востоке на ночном небе не было видно звезд. Их застилала клубы пыли. Оттуда двигались полчища варваров.

— Что ж это творится. Где наши доблестные воины с их острыми клинками и копьями. Почему позволяют варварам жечь и бесчестить нашу кровушку Русь?

С болью в сердце, безмолвно спрашивал Игумен.

— Господи, что ж ты позволяешь язычникам надругательства над овцами твоими? Господи, почему ты десницей своей не поразишь диких кровожадных врагов земли нашей?

Господь молчал. То ли до него не доходили молитвы Игумена, то ли он до времени не внемлил им.

Поднимаемые многочисленными войсками варваров клубы пыли, настойчиво приближались к стоящему на высоком берегу реки монастырю.

— Еще сутки, они будут здесь. Надо действовать. — Перекрестившись, Игумен Мефодий спустился с колокольни.

С первыми лучами солнца монахи стали собираться на утреннюю молитву. Войдя в церковь, они в недоумении остановились у порога. Иконостас и стены церкви были пусты. Только солнечные лучи, пробиваясь сквозь, размещенные под куполом, витражи, окрашивали внутреннее помещение церкви в чудные волшебные цвета.

— Что это значит? Где все иконы. — обратились монахи к стоящему, у пустого иконостаса Игумена. Тот со скорбью вздохнул

— Тяжелые времена настали для нас. Супостаты приближаются к нам. Завтра они будут у стен монастыря. Я спрятал все монастырское

имущество. Вряд ли кто из язычников найдет его. С наступлением ночи мы покинем нашу обитель. Нашим убежищем станет лес на том берегу. Надеюсь, супостаты туда не сунутся. —

Игумен замолчал. По его старческим щекам текли слезы. С двадцати лет Мефодий жил в Чугуевском монастыре. Здесь он возмужал в вере своей. Здесь он сделал карьеру монаха. Здесь он состарился. Здесь мечтал упокоится. Только видать не судьба. Придется ему с паствой его, словно дикому зверю, скитаться по лесным чащам.

— На все воля Божья. —

смирено произнес Игумен Мефодий.

— Почему не хочешь скрестить клинки с супостатами?

Выступил вперед молодой парень. Он в монастыре был послушником. Готовился к скорому постригу.

— Ты молод и голова твоя горяча и опрометчива. —

По-отцовски ласково ответил ему Мефодий.

— Господь не велит идти в жерло дьявола. Он велит рабам своим сражаться с супостатами. Нас двенадцать человек. Мы не успеем обнажить кленки, как язычники порубят нас всех до одного.

—

Игумен обвел стоящих перед ним монахов тяжелым скорбным взглядом.

— С наступлением темноты, будем уходить.

—
Твердым тоном повторил он свое решение. Ошарашенные происходящим, монахи хранили немое молчанье.

— Где ты добро монастырское спрятал. —

Выступил вперед иеромонах Фома. Он был родом из крестьянской семьи. Арсений в миру, он не был склонен к крепостному труду. В шестнадцать лет он бежал от помещика. Скитаясь по лесу, Арсений быстро собрал команду подобных себе парней. Они стали промышлять разбоем. Арсению нравилось наводить ужас на окрестных помещиков. Однажды его отряд попал в засаду. Солдаты порубили всех его товарищей. Самому Арсению чудом удалось избежать смерти. Оставшись один, Арсений пришел в Чугуевский монастырь. Игумен Мефодий не стал его ни о чем спрашивать. Глядя на парня, священник ласково промолвил:

— Коль пришел в обитель, постигни слово творца нашего. Стань ему слугой верным. —

Вскоре Арсений прошел постриг и получил имя Фомы.

Мефодий испытующе посмотрел на вопрошающего.

— Где спрятал, не скажу. Времена нынче тяжелые. Не все вы, братья мои, достаточно сильны

в вере своей. Не ровен час, кто искутится. Когда князья наши погонят прочь язычников, вернемся в обитель нашу. Тогда и вернем нам монастырское добро. —

— Коль ты раньше представишься? Где нам сокровища наши искать. —

Не унимался Фома. Мефодий медлил с ответом. Подумав, он достал из-за рясы икону Богородицы с младенцем.

— Сия икона свидетель деяния моего. Коль представляюсь, она приведёт достойного слугу Господа нашего к добру монастырскому. —

Сказав сее, Мефодий аккуратно спрятал икону за рясу. Монахи молча переглянулись. Им предстояли тяжелые испытания. Вряд ли кто из них, кроме Фомы, думали о спрятанном Игуменом, монастырском имуществе.

С наступлением сумерек монахи покинули святую обитель. Вдалеке небосвод озаряли языки пламени. Там бесчинствовали язычники. Монахи гуськом перешли речку по шаткому деревянному мостку. Лес встретил их запахами весеннего цветения и звуками ночной жизнью его обитателей. Эти звуки холодили кровь монахов. В этом, не по собственной воле, обретенном мире шла своя жестокая борьба за выживание. Они, привыкшие жить обособленно за высокими стенами, монахи становились участниками этой суровой жизни.

Усталость и нервное напряжение одолели пришельцами. Расположившись прямо на земле, они крепко уснули. Лес хранил их покой от постороннего глаза. Под утро сильный шум разбудил монахов. Фома, привычный высматривать из засады добычу, отправился на разведку. Вдоль опушки леса двигались отряды варваров. Поступь боевых лошадей, скрип телег поднимали клубы пыли и создавали все заглушающий шум. В нем тонули стоны гонимых за телегами узников. Орда шла прямо на монастырь.

— Куда нам с ними сразиться. —

Произнес Фома. Надо было уходить в чащу леса. Фома хорошо знал эти места. Много раз ему с дружками приходилось отсиживаться в чащах этого леса.

Монахи спешили как можно быстрее удалиться от опасной дороги. Корни деревьев мешали идти. Кусты цепляли их за рясы. Крапива больно жалила ноги. Спотыкаясь и падая, не обращая внимание на ушибы и кровь, мужчины спешили в лесную чащу. Сюда язычники не доберутся. Они побоятся болот и, населяющих этот лес, много- численных хищников.

Игумен Мефодий огляделся по сторонам. Он остался доволен, выбранным Фомой, местом. Сняв рясы, монахи взяли за топоры и зубастые пилы. Им предстояло в этой лесной глуши построить

свою временную обитель.

Шли дни. Они складывались в месяцы. Вот уже листва на деревьях желтеет. Ночами стало подмораживать. Только в жизни монахов ничего не менялось. Крестьяне не несли в обитель продукты питания. Да и где были те крестьяне. Монахам приходилось самим добывать скудное пропитание. Такая жизнь никак не устраивала Фому. Все чаще, сидя у костра, он предавался своим тайным размышлениям.

— Где старик спрятал церковное имущество. Ведь в нем много золотой и серебряной утвари. Эх, найти бы эту утварь. С ней можно было бы податься в земли, где нет язычников и крепостного права. Там бы он, Фома, зажил бы счастливой жизнью. —

Эти мысли, словно гигантский червь, разъедали душу еромонаха.

Наконец наступили безлунные ночи. В одну из таких ночей Фома, крадучись, покинул свою келью. На дворе стояла непроглядная темень. Бесшумно ступая, Фома приблизился к келье Игумена. Оттуда доносился мирный храп старика. Убедившись, что вся обитель погружена в сон, Фома осторожно проник в келью. Игумен Мефодий почивал на настиле из веток и мха. В руке Фомы блеснул кинжал. Его Фома сберег с лихой молодости. Теперь это оружие оказалось Фоме как

нельзя кстати. Одним ударом лезвие кинжала глубоко вонзилось в грудь Игумена. Извлекши из-под рясы Мефодия желанную икону, Фома, крадучись, покинул келью Игумена. Теперь ему нельзя было оставаться в обители. В одиночку он пробирался лесными тропами. Совсем неподалеку были на луну, еще, по-летнему, сытые волки. Совсем скоро они оголодают. Тогда беспощадные лесные хищники собьются в стаи. Вряд ли Фоме при помощи, захваченной в обители, сабли удастся защитить от них свою плоть. Надо было торопиться, найти более-менее надежное убежище. Да и добывать пропитание становилось все тяжелее.

Монастырь встретил орды кочевников пугающим молчаньем. Привстав на стременах, предводитель орды пытался разглядеть, что творится за высокими монастырскими стенами. Убедившись, что так он ничего не увидит, Хан взмахнул рукой. В ту же минуту к нему подъехал молодой всадник. Это был младший сын предводителя.

— Бери сотню воинов и скачи в монастырь. Разведай, что там творится. Мне не нравится эта тишина. —

Командным тоном произнес предводитель. Обнажив кривые сабли, сотня язычников ворвалась на территорию обители. Соскочив с лошадей, они

рассыпались по монастырским строениям. Везде было пусто. Эхо гулко разносило шум шагов завоевателей.

— Там никого нет. Все заблаговременно бежали. —

Приблизившись к предводителю, заявил Аглы. Так звали молодого парня. Он был вторым сыном предводителя.

— Крысы. Разбежались, как только увидели наше приближение к ним. Не понадеялись на своего Господа. Не смог он их защитить. Да и существует ли он вообще, их Бог. —

Язвительно произнес предводитель. Повернувшись в седле в пол-оборота, он зычно прокричал.

— Смотрите, воины, чего стоит их Бог. Другое дело наши Боги. Они ведут нас по земле неверных. Они благословляют нас на сокрушительные победы. Смотрите, осознавайте и укрепляйтесь в вере нашей. Да здравствуют наши Боги. —

Зычно прокричал предводитель.

— Да здравствуют!

Обратив к небесам копьё, вторило ему войско.

Малость поразмыслив, предводитель язычников решил со всей своей свитой разместиться в монастыре. Разведка сообщила ему, что в подвалах стоят чаны полные искристого,

пьянящего запахом, вина. По его команде воины воздвигли во дворе большой шатер. Сидя перед шатром на дорогих коврах, предводитель терпеливо ждал, когда поджарится мясо. Перед ним стояли кубки с искристым вином. По обе руки от предводителя сидели его приближенные воины. Здесь были командиры сотен и тысяч. Все они в тяжелых боях заслужили расположение своего предводителя. Все предвкушали славную трапезу.

— Пойду, проверю войска. —

Поднимаясь с места, произнес Аглы. В глазах предводителя мелькнули молнии.

— Ты отказываешься трапезничать со мной?

Грозно обратился он к сыну. Сидевшие у костра, командиры съежились. Всем был знаком крутой нрав предводителя. В ярости он никого не щадил. Будь то воин или собственный сын. Один только Аглы хранил холодное спокойствие.

— У меня дурное предчувствие. —

Ровным голосом ответил он на ярость отца.

— На том берегу растет густой лес. Иди-знай, кто там прячется. Ведь мы лес не проверили. Слышал от плененных крестьян, что местный князь мастак на внезапные нападения. Спокойнее буду, когда с десятком воинов объеду наш стан. Да и собак надо науськать. Говорят, что в здешнем лесу волков немерено. Глядишь, ненароком наших лошадей перережут. —

— Парень молодой, да воин толковый. —

Вступился за Аглы его дядька. Он приходился родным братом предводителю.

Ладно. Ступай. Может тут твоя правда. —

Успокоившись, согласился предводитель с доводами Аглы. Взяв десять своих проверенных воинов, Аглы поскакал вдоль многочисленных костров. За каждым из них сидела группка воинов. Все праздновали.

— Явись сейчас князь с дружиной, порубил бы нас, как баранов на жертвеннике. —

Размышлял Аглы.

— Видать недостаточно у него воинов. Вот он до поры до времени и затаился. —

Только не страх перед коварным князем заставил Аглы отказаться от славной трапезы. Его пугало монастырское вино. Останься он трапезничать, должен был отведать этого вина.

— Почему, уходя, монахи унесли всю монастырскую утварь. Вино они оставили. Тяжело было нести? Могли вылить. Нет же, оставили. Неспроста это. —

Пустив лошадь шагом, размышлял Аглы. Вот и река. На другом берегу чернел лес. Даже солнечным днем он стоял черной непроницаемой стеной.

— В этом лесу свободно может спрятаться целое войско. Надо бы на нашем берегу поставить

дозор. А что, если вино и в правду отравлено. —

Спешившись с лошади, размышлял молодой воин.

— Мы в одночасье потеряем всех лучших командиров. —

Эта мысль на миг испугала Аглы. Быстро взяв себя в руки, он, только ему слышным голосом, произнес:

— Тогда я стану предводителем войска. Не выиграв ни одного, сколько ни будь, большого сражения, отец возомнил себя непобедимым роком земли сией. Глядишь, так положим мы наши головушки в земле этой. Только спорить с отцом бесполезно и опасно. Если вино и вправду отравленное, все решится само собой. Где взять командиров? Да хотя бы из этого десятка. Чем не командиры. —

Аглы с уважением посмотрел на сопровождающих его воинов.

* * *

Утренние заморозки крепчали. Летняя одежда уже не грела Фому. Голод и холод отнимали у него последние силы. Фома, прислонившись к дереву, спал стоя. Ему казалось, если он ляжет, у него не хватит сил подняться на ноги. Чувствуя, что он окончательно слабеет, Фома вышел на опушку леса.

Вдали он разглядел поднимающийся в небо, дымок. Там были люди. Забыв об опасности, монах поспешил на дым. Ему хотелось идти как можно быстрее. Но, у него это не получалось. Он едва волочил непослушные ноги. Споткнувшись о торчащую из земли корягу, Фома упал. Сознание покинуло его. Он не знал, сколько времени пролежал на опушке леса. Очнулся Фома в избе. Здесь было тепло. В печи потрескивали бревна. Из кухни вкусно пахло.

— Где я. —

Слабым голосом спросил Фома.

— Ты в Михайловке. —

Ответил молодой женский голос.

Возле него сидела девушка. Её густые волосы были заплетены в толстую косу. Она с сочувствием смотрела на Фому.

— Ты откуда будешь, монах. —

Осторожно поинтересовалась она.

— Я еромонах из Чугуевского монастыря. Мы бежали от язычников. —

Ноздри Фомы раздувались, втягивая ароматы вкусной крестьянской стряпни.

— Сколько вас живет в деревне. —

Поинтересовался он у девушки.

— Два месяца назад в деревню пришли варвары. Мужчин, которые оказали им сопротивление, супостаты порубили. Остальных

мужчин, женщин и детей угнали с собой. Я спряталась в подполье. Меня они не нашли. Так и живу одна во всей деревне. Благо, язычники мясоеды. Они не тронули огороды. Я накопала, что еще оставалось. На зиму должно хватить. —

Девушка замолчала. Было видно, что ей больно вспоминать пережитое.

— Увидев дым, они не вернутся?

Осторожно поинтересовался Фома.

— Не вернутся. —

С уверенностью ответила Малашка. Так звали крестьянку.

— Они здесь во всей округе все, что могли, пограбили. Теперь они грабят далеко отсюда. —

Встав на ноги, поправив подол платья, девушка вышла на кухню.

Незамысловатая крестьянская еда, тепло сделали свою работу. Фома быстро шел на поправку. Его организм наливался жизненной силой.

Зима выдалась снежной. Малашке с большим трудом удавалось уговорить Фому отчистить двор от снежных заносов. Его сущность противилась всякой физической работе. Фома днями напролет просиживал у печи. Глядя в огонь, он пытался понять, где игумен Мефодий закопал монастырское добро. Фома хорошо знал окрестности монастыря. Ему на ум не шло ни одно место, где можно было

надежно спрятать добро. Разве, что в пещерах на склоне высокого берега реки. Нет. Игумен не доверил бы богатство этому месту. Узнай крестьяне о кладе, первым делом пошли бы искать его в пещерах. Сколько Фома не насиловал свой мозг, тот отказывался подсказать хозяину хоть одно подходящее место.

— Закончится зима, пойду к монастырю. Может, и в правду, икона подскажет мне на потайное место. Жажда найти церковное имущество притупляла в нем чувство самосохранения. Он совсем не думал о присутствии язычников. Он не опасался, что попадет в руки братьев монахов. Да, живы ли они еще. Мысли сморили Фому. Им одолел сон. Вот, он Фома подходит к монастырским стенам.

— Обойди монастырь слева. —

Слышит он чей-то голос. О чудо! С ним говорит икона Божьей матери.

— Правду сказывал Игумен Мефодий, икона сея чудесная. —

Мысленно произнес Фома.

— Пройди лесок. Почти на краю его увидишь покосившуюся избу. Проникни в нее. Там есть лаз. Смело спускайся в подполье. Там схоронено то, что ты ищешь. —

Продолжал вещивать голос. Фома следовал его указаниям. Действительно, почти у края

перелеска он увидел покосившуюся избу. Отвалив тяжелое, почти сгнившее бревно, Фома протиснулся в избу. Там в полу зиял лаз. Аккуратно ступая по шаткой лестнице, он спустился в подполье.

— Вот оно, несметное богатство монастыря. Теперь оно мое. —

Едва не завопил еромонах. В эту минуту до его слуха донесся, холодящий душу, смех. Фома обратил взор под потолок. Оттуда донесся этот смех. Душа его похолодела от ужаса. Под потолком летал игумен Мефодий. У него из груди торчал кинжал.

— Нашел состояние. Икона привела тебя сюда. —

Игумен дважды пролетел над головой Фомы.

— Только забыл ты, душегуб, о чем я глаголил. Икона отдаст имущество монастыря нашего истинному слуге Господа нашего. — Смеясь, вещивал Отец Мефодий.

— Имущество ты нашел. Только здесь с ним на весь век твой останешься. За имущество это ты кровь мою пролил. В этом подполье, возле имущества этого, ты на суд Божий предстанешь. —

При этих словах, ведущая в подполье, лестница со страшным шумом обрушилась и превратилась в труху.

— Нет! Прочь отсюда. —

Фома проснулся от собственного крика.

— Что с тобой? Что тебе приснилось?

Испуганно спросила его Малашка. Фома ей не ответил. Его губы безмолвно шевелились. Он непрерывно крестился.

— Видать черное из прошлого не оставляет душу его. —

Подумала про себя девушка. Она боялась своими вопросами разозлить не на шутку перепуганного монаха. Гляди, рассвирепеет. Кто защитит её от его гнева. Неподалеку от нее, в углу, стояла сабля Фомы. Малашка украдкой метнула взгляд на саблю. Впервые в душу девушки прокрался страх за себя.

— Что он может сделать со мной. — Тревожно стучало у нее в висках.

— Убить. Вряд ли. Без меня ему не выжить. Ведь он никак не пригоден к труду. Разве что обесчестит. —

По спине Малашки пробежали мурашки.

— Лучше пусть убьет. Все равно. Как без чести на свете жить, как людям в глаза смотреть. Если посягнёт, возьму грех на душу. —

Встав с табурета, девушка отошла в дальний угол избы. Фома же, глядя в огонь, непрерывно крестился.

Время царства зимы подходило к концу. Снег чернел. По, еще мерзлой земле, побежали звонкие

ручьи. Малашка суетилась по хозяйству. Фома, как обычно, сидел у печи. Когда до их слуха донесся топот конских копыт. Фома побледнел. Всадники подъезжали к крыльцу, казалось, безлюдной избы.

— Кто есть. Отворяйте дверь. —

Прокричали за дверью. Это были свои. Оттряхнув с ног талый снег, в избу вошли трое мужчин.

— Князь Данило. —

Радостно воскликнула Малашка. Князь испытующе посмотрел на девушку.

— Будешь Еромеевой дочерью. —

Поинтересовался вошедший. Девушка кивнула головой.

— Славный был воин. С детства помню, как он рубился с неприятелем. —

Придался воспоминаниям князь Данило. Его взгляд упал на, сидящего у печи, Фому.

— Еромонах из Чугуевского монастыря. Бежал с братьями в вере от супостатов. —

Ровным голосом отчеканил Фома.

— Говоришь, из Чугуевского. —

Переспросил Данило и, не дожидаясь ответа, продолжил свою речь.

— Славным человеком, подлинным слугой Господа, был игумен Мефодий. Царство ему небесное. Покинув монастырь, все равно остался воином. Сколько язычников полегло от

монастырского вина. Отец Мефодий, покидая обитель, подмешал в вино смертного зелья. В отместку язычники сожгли монастырь. Теперь супостатами правит Аглы. Он второй сын предводителя. Сам предводитель со старшим сыном и командирами потравились вином. —

Тяжело вздохнув. Закончил свой рассказ князь Данило. В избе воцарилась тягучая тишина. Только было слышно, как в печи потрескивают поленья. Дружинники Князя Данилы, опираясь на копья, безучастно разглядывали нехитрую утварь избы.

— Князь, гляди туда. —

Произнес один из дружинников. Его палец указывал на красный угол избы. Взглянув туда, куда указывал ему воин, князь Данила нахмурился.

— Откуда у тебя эта икона. Во всем округе такая икона была лишь в монастыре. —

Князь указал на икону лики руци нози.

— Это и есть икона из монастыря. Её с собой принес Фома. —

Спокойным голосом ответила Малашка. Лицо князя побагровело. Он резко повернулся к Фоме.

— Говоришь, ты еромонах Чугуевского монастыря. Чего один по лесу скитался? Или бежал от братьев во Христе?

Князь в напряжении ждал ответа Фомы. Тот молчал. Им охватил, леденящий душу, страх. Его сердце колотилось так часто, словно желало,

пробив ребра, улететь далеко-далеко от этой избы.

— Он что-то знает. Пока не схватили, надо бежать. —

Фома вскочил со стула. Близко к нему, в углу, стояла его сабля. Фома, схватил было уже её, как ему в грудь уперлось острее копья. Еще одно движение и копьё пригвоздило бы его к стене.

Девушка с ужасом наблюдала за происходящим в ее обители. Еще минуту назад все мирно беседовали. Что же произошло за эту минуту. Малашка не осознавала причину ссоры мужчин. Это еще больше усиливало ее страх.

Князь Данило молча поднялся со скамьи. Подойдя к иконе, он с благоговением перекрестился. В его глазах стояли слезы. Они так не шли его, обожженному ветрами, возмужавшему в суровых сражениях, лицу. Повернувшись к Малашке, князь заговорил.

— Месяц назад мы отбили у язычников их обоз. В нем, вместе с другими плененными нашими соотечественниками, были два монаха из Чугуевского монастыря. Они поведали нам страшную историю. Игумен Мефодий, покидая монастырь, в одиночку схоронил утварь монастыря. Единственным свидетелем сего деяния была эта икона. —

Князь Данило указал, на стоящую в красном углу, икону Богородицы с младенцем.